

МЫ СТРОИЛИ ЖЕЛЕЗНУЮ ДОРОГУ

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СУПРУГОВ ПЕСТОВЫХ, ТРУЖЕНИКОВ ТЫЛА БАЛЕЗИНСКОГО РАЙОНА,
О БУДНЯХ ВРЕМЕН ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Светлана ВАЛЕРИНА

Память о Великой Отечественной... Она была, есть... А будет ли? Вдруг она умрет вместе с тем поколением, кому довелось пережить те ужасы, те испытания. Бывшие фронтовики и труженики тыла оставляют после себя лишь пожелтевшие фотографии да скудные рассказы, за которыми судьбы наших бабушек и дедушек. В наших силах сохранить эти рассказы и фотографии для последующих поколений.

Республиканский Совет ветеранов собрал воспоминания тружеников тыла, уроженцев 20-30 годов прошлого века.

«Круп не было. Хлеб нам подвезли и давали по норме, а когда он закончился, ели уже без него, - пишет Александра Зямбахтина из д. Кожил Глазовского района, которой довелось строить дорогу «Балезино - Ижевск».

Воспоминания представили Совет ветеранов районов и городов республики. Издать их перед памятной датой у Совета ветеранов нет средств. Но, может быть, мы с вами поможем, и пока еще рукописные или машинописные листы станут книгой воспоминаний и подарком к Дню Победы для тех, кто их писал, для их детей и внуков. Папка с материалами ждет своего часа в Совете ветеранов республики.

Сегодня мы публикуем рассказы жителей муниципального образования «Сергинское» Балезинского района Анны Панфиловны и Дмитрия Ильича Пестовых.

1.

Родилась я 30 июля 1929 года в деревне Коровино. В 1936 году пошла в школу, в 1940-м закончила четыре класса и пошла в пятый в Ефимятскую среднюю школу в деревне Абростя.

Ходили мы пешком на неделю. С собой брали провизию. Тогда, в сороковом, мы погорели, так что надеть было нечего. Я, маленькая, ходила в большом тяткинском полушубке, едва его волокла на себе.

Деревня в 1942-м болела брюшным тифом. Мама с Ленкой (очевидно, с сестрой героини Еленой Панфиловны) лежали в больнице в Кулиге, дома работать было некому, кроме меня. А еще на работе она ходила за свиньями, пришлось мне для них теперь «страпать». Что я понимала тогда? Кормила их клеввером да поила водой. К маминую приезд половину поросят съдохли.

Учебу пришлось бросить. Стали меня посылать в дорогу с подвозом.

А весной 1942 года отправили меня на железную дорогу в Кекоран. Работали мы там с Ниной Якимовной Дзюиной.

Потом летом и осенью дома робили, а зимой 1943 года новая работа - на лесозаготовках в Угловой. Весной 1943 года - опять железная дорога. Делали выемку, насыпь, возили землю. А еще лопатами валили песок, выравнивали грунт, так получались шпалы под шпалы.

Жили плохо. По телу у меня пошли коросты, даже юбка надеть было нельзя.

И мы с Софьей Ивановой (матерью Федоры Ивановны Быковой) сбежали. Очень боялись, что нас поймают. Шли только по лесу и босиком.

Питались грибами и ягодами. Дошли до Кулиги, решили остановиться у знакомых. Они нас накормили.

Я с голодухи так наелась, что чуть не умерла.

Еще раз я сбежала с Феклинной. С ней было легче, потому что она была бойкой и наглой. Могла украсть еду, лепешки, хлеб. Как-то зашли в удмуртской деревне в избу, а хозяйка вышла. Феклинная стащила что-то с горно, куда насыпают горячие угли, присыпают золой и оставляют еду, чтобы не остыла. А я тогда замешкалась. Хозяйка-то меня и заловила, отобрала лапти и не пускает. Требуется: платка за горно. Я реву, мне лапти шибко жалко оставлять, вот и не убежала.

Одевались ведь худо - в домотканую одежду, лапти берегли. Феклинка воротилась, выхватила меня с лаптями у хозяйки, отmaterила меня, мол, «полоротая Анюта»...

Бывшие фронтовики и труженики тыла оставляют после себя лишь пожелтевшие фотографии да скупые рассказы, за которыми судьбы наших бабушек и дедушек.

Пока домой пришла, юбка вся во вшах и гнидах. По всем швам толстехонько-белехонько. Я таких вошек и не видела больше никогда: большеушие, хвостатые, фу... Это мы жили на квартире, где хозяева были очень бедные, клопы и вши их заедали. Мы обложили постели крапивой, чтобы вши к нам не лезли, но это мало помогало.

На строительстве железной дороги бок о бок работали молодые и старухи. Только самых старых, немощных, да у кого малые дети были, оставляли дома.

Мы трудились с Игольничными - Анастасией Агафоновой, Анной Варламовной (1907 год рождения), Дарьей Фотеиной, Марией Сафоновой (безрукая), Феклинной Захаровной (1912 год), Зинаидой Афанасьевой (1914-й), Софьей Ивановой Быковой. Последние - детные, семейные.

Кирками, ломами долбили мерзлую землю. Ночью взрывали. В одном месте копали, в другом насыпали. Грузили лопатами на телеги, которые шли сплош-

ной чередой. Если мы выполняли норму, то получали пайку хлеба в восемьсот граммов, если нет - меньше. Выемки выкладывали пластами, дерном. Летом 1944 года в Кузьме мы делали второй

путь, стелили шпалы с рельсами. Подходил паровоз с платформой, сбрасывал пролет, а мы коряжились, подправляли, подгоняли.

Зимой я тогда еще возила хлеб на сдачу в район.

Весной 1945 года в Кулиге заготавливали лес на МТС. Люди возили бревна, шкурили их, а я стряпушничала. Помню чалпаны (караван) ржаные пекла. Они казались пышиночными и вкусными, теперь такого хлеба нету.

Как-то отправили меня домой за мукой, нам из колхоза вовремя не прислали ничего (провизия-то тогда только своя была), есть стало нечего. По дороге мне встретились уполномоченные и сказали о победе. На радостях я все девять километров до Яркова бегом бежала. Там остановилась, дух перевела и дальше побежала домой.

Летом пошла работать дояркой, потом меня отправили в Кулигу учиться на заведующую. В этой должности проработала пять лет. Тогда мы молоко сами сепарировали (перегоня-

2.

Родился в 1931 году у Вятских. Мать Александра Ивановна Серебрякова была председателем колхоза, партийной. Ее послали на работу в Козино, Коровино. В первый класс я пошел в Коровино. Учительница велела принести из дома двадцать копеек на тетради. Мама мне дала рубль. Я тогда разревелся, что не пойду больше в школу, потому что надо двадцать копеек принести. Сообразить-то не мог тогда, что рубль больше двадцати копеек.

Мама привела меня в школу за руку, учительница выдала мне тетради, и я успокоился.

А потом началась война. Отца забрали в армию. Маму перевели в Кулигу, мы пожили там немного, потом снова переехали. Всю округу изъездили и вновь вернулись в Коровино. Мать снова вышла замуж. Она была строгая и сердитая, но отчим нас не обижал. Зимой 1943-го работал на лесозаготовках в Кузьме, затем в Факеле, в Яржке, Чимшоуре, Ворончихино.

В первую зиму жили в пилорамке. Из деревни там работали шестеро: Евланья Панфиловна Игольнична (Ленка), Евдокия Проккопьевна Конева (Кийка), Дарья Ларионовна Игольнична, Артем Проккопьевич Конева. Из Кузьмы сбежали. Третью зиму жили на квартире. Хозяйка была хорошая, заботилась о нас, варила еду.

Война закончилась в 1945-м, вернулся отец, и я ушел жить к нему. Отец работал кузнецом и учил этому ремеслу. Мы перешли жить в свой дом. Голые стены. Ни кружки, ни ложки, ни чашки. Дров с отцом напилем, печку истопим, в солдатском котелке еду сварим. Отец был мастеровой, с голоду мы не умирали.

Потом он привел в дом мачеху Оксинью. Изба сразу ожила, свет увидела.

Оксинья была заведующей фермой, но учет, как следует, не вела. У нее случился большой падеж скота, за что и наказали. Выслали на семь лет в Якутию. Я остался с дедом - Иваном Васильевичем Серебряковым. Продолжал работать в кузнице.

Отец с Оксиньей писали, звали к себе, чтобы выучился, но я не поехал, остался в Коровино. Много ль было годов - семнадцати-восемнадцати, а уже выдал много, плел корзины, лудил, кузничел.

Корзины плести из еловых корней научил один старик. Весной надо было идти на утор, где корни близко, надергать их, очистить. Получались корзины большие и маленькие, с крышками и без них. Их можно было продать или обменять на базаре, чтобы не помереть с голоду.

Молодым любил играть на гармошке, дедки ходили кучами, как-никак, а первый парень на деревне, а в деревне один дом.

Потом построили электростанцию. Когда глазовские электрики тянули линию, помогали им, а они научили моему ремеслу. Зажжется свет. Лампочки висели на каждом столбе. Мельница, молотилка работали от электричества, всем этим хозяйством и приходилось заведовать. Сам исправлял неполадки, сам дежурил - и так до 1951 года. По вечерам свет горел до двенадцати часов.

А в 1951 году не стало хватать электроэнергии, и Коровино от электричества отключили. Меня послали в Глазов, учиться в школе механизации. Получив права, пошел работать трактористом, комбайнером, бригадиром тракторной бригады, бригадиром полевых. Были награды, премии за хорошую работу, удостоверение ветерана труда, труженика тыла.

Но главное, вместе с женой Анной Панфиловной вырастили и воспитали сына Якова. ■